

Н.Гурина-Корбова

КАКОЕ
НАСТРОЕНИЕ ,
ТАКАЯ
И ЖИЗНЬ

Жизнь и судьба (Горизонт)

Наталья Гурина-Корбова

Какое настроение, такая и жизнь

«ИП Каланов»

2017

Гурина-Корбова Н. К.

Какое настроение, такая и жизнь / Н. К. Гурина-Корбова — «ИП Каланов», 2017 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

Этот сборник включает в себя две повести и несколько рассказов о человеческих взаимоотношениях, о курьёзных жизненных ситуациях, к которым нужно относиться с иронией. Ещё в него вошли семь притчей на банальную тему, но актуальную и по сей день — о семи смертных грехах.

© Гурина-Корбова Н. К., 2017

© ИП Каланов, 2017

Содержание

Юбка в стиле бохо	5
Мамулька	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталия Константиновна Гурина-Корбова

Какое настроение, такая и жизнь

Юбка в стиле бохо

Резкий звук телефонного звонка уже в который раз заставил Асю вздрогнуть. "Сегодня это уже двадцатый с удовольствием отметила она, наскоро вытирая руки полотенцем и прижимая мобильник к разгорячённой от кухонной готовки щеке.

– Да, я вас слушаю... да, это фирма "Свет в окне", мы изготавливаем любые окна, ремонтируем тоже любые"... – Ася заученными фразами и отчеканенным громким голосом начинала очередной разговор с клиентом.

Трудилась она диспетчером в этой фирме уже третий год и всё её устраивало: и то, что работала она на дому, и то, что зарплата её зависела только от неё самой. То есть, как она объяснит клиенту все преимущества их фирмы, как разрекламирует безупречную работу мастеров и, что очень важно, отметит пунктуальность и быстроту исполнения и вообще, насколько сможет обворожить невидимого клиента манерой и тембром своего голоса и благодаря этому всему набрать как можно большее количество заказов, так она и зарабатывает, работа ведь сделанная. Эта работа была самой удачной из всех, которые ей пришлось переменить из-за того, что в 1998 году закрыли НИИ, в котором она проработала несколько лет после окончания института.

Разговаривая с клиентом Ася пыталась закончить приготовление обеда; уже третий час, ещё и Вика сегодня почему-то рано пришла из школы, Никита её проводил как всегда... Сидят в Викиной комнате, музыку слушают.

Да, Вику хорошо надо кормить: класс выпускной, предстоят экзамены, столько сил и нервов дочка затрачивает. Худящая стала как тростиночка и бледненькая последнее время, и какая-то напряжённая, молчаливая. Придёт со школы, закроется в своей комнате и занимается, занимается.

Ася целый день на телефоне: и убирается с ним, и готовит, и даже в туалет с ним ходит – ни одного клиента пропустить нельзя.

Если не успеет быстро подойти, то тот позвонит по другому номеру её напарнице, а это всё – денюшки капут. А они всегда нужны, сейчас особенно: выпускной на горизонте, потом Вика в институт будет поступать, хорошо если на бюджет пройдёт, а если нет.? Конечно, Матвей Борисович помогает, он от дочери не отказывался никогда, но и его помощи стало недостаточно, стареет и работать с прежней силой тоже не получается, да и болеть стал чаще – всё ж восьмой десяток разменял. А у него свои заботы: жена вечно больная, сыновья и внуков куча. И каким бы талантливым художником он не был, миллионы он не зарабатывает...

Ася, обслужив клиента, с удовольствием внесла в свою толстую рабочую тетрадку ещё один заказ – сегодня это десятый. Ура! В это время неожиданно громко хлопнула входная дверь: "Это Никита ушёл наверное," – подумала она помешивая почти готовый суп, – ну вот, ещё чуточку и можно Вику звать обедать. Такой парень хороший, просто золото! Они с Викой ещё в детсад вместе ходили, так вместе и в первый класс пошли, а теперь скоро студентами будут возможно... тьфу, тьфу, тьфу... Он к Вике не равнодушен, Ася это видит, а она: "Он просто друг, мама, не вмешивайся."

В кухне от всех четырёх горящих конфорок стало нестерпимо жарко; Ася потянулась, чтобы открыть форточку и, как только она её приоткрыла, дверь в коридор распахнулась настежь, и в кухню ворвался резкий холодный воздух от наступившего сквозняка.

"Интересно, что ж у Вики тоже форточка открыта? На улице всё же минус двадцать, не простудилась бы." – В это время засвистел чайник, к тому же опять раздался требовательный

телефонный звонок. – Пообедать не дадут, и пропустить не могу," – и Ася опять начала "обращивать" очередного клиента.

Наконец сварилось и дожарилось всё, что стояло на плите, клиент вымотал своей непонятливостью Асю до едва сдерживаемого остервенения и ничего так и не заказал.

– Вика, иди обедать! – крикнула Ася накрывая спешно на стол, но никакого ответа не услышала.

– Викуша, заснула что ли? – Ася сняв фартук медленно пошла будить дочь.

"Когда она успела, только что Никита ушёл, – и Ася посмотрела на часы. – Ах, да уже четыре, целый час прошёл, как Никитка ушёл, с этой работой время совсем не ощущаешь."

Дверь в комнату дочери была едва прикрыта, по комнате гулял леденящий морозный воздух, тихо звучала любимая мелодия дочери и самой Аси "Полёт кондора", но Вики не было. "Может они с Никитой вместе ушли, тогда чего ж она мне ничего не сказала? И музыкальный центр не выключила. Ещё чего надумала- окно открыла, совсем с ума сошла, февраль всё же на дворе," – Ася ёжась от холода подошла к настёж распаханному окну и перед тем как его закрыть машинально глянула вниз с высоты своего восьмого этажа – прямо под окном, там далеко-далеко лежала выделяясь ярким зелёным пятном на белом снегу Викина юбка. "Почему юбка? Зачем она её выкинула?" – И тут приглядевшись внимательно своими близорукими глазами Ася увидела торчащие из-под раскинувшейся широкой Викиной юбки две крошечные палочки...

Вокруг уже собирались случайные прохожие, а во двор въезжала противно сигналив и мигая полицейская машина, следом машина скорой помощи.

"Вика," – неслышно произнесла Ася... перехватило дыхание, всё тело как-то обмякло, но умом она всё ещё не осознала, что случилось непоправимое. Потом ничего не соображая, не понимая и не веря в увиденное, стремглав в чём была ринулась вниз по лестнице, даже не подумав вызвать лифт. Она летела не замечая перед собой ничего и никого: старушка на седьмом этаже испуганно прижалась с пакетом к стенке мусоропровода, мужчина с собакой на пятом удивлённо посторонился, собака залаяла вслед. Ей казалось, что всё существо её от кончиков волос до пяток как робот автоматически двигается с бешеной скоростью, но на самом деле движения её были как в замедленной съёмке и она скорее сползала вниз по лестнице, держась за перила одеревеневшими пальцами.

– Пропустите, я мать, это моя дочь, – совершенно чужим, подавленным голосом произнесла Ася. Полицейский смущённо пропустил её в круг спящих с носилками работников скорой помощи. Чуть поодаль стояли случайные прохожие и несколько лиц в полицейской форме оглядывали толпу вероятно пытаясь найти свидетелей и опросить их по горячим следам.

Вика лежала лицом в снег посередине огромного сугроба, её светлые в мелких кудряшках волосы покрывал снег и руки тоже были погружены в сугроб, ярко зелёная юбка распласталась по неровной поверхности вдавленного Викиным телом снежного месива и только ноги, худенькие и голые, торчали из под широченной и длинной юбки в разные стороны, рядом валялись разлетевшиеся тапочки с коричневыми пушистыми собачьими мордами на носках.

Ася стояла молча, невидящим взглядом смотрела на распростёртое тело дочери и боялась пошевелиться, стояла как окаменевшее изваяние.

– Вы мать этой девушки? – вывел её из оцепенения негромкий мужской голос. Голос принадлежал невысокому крепкому мужчине средних лет и совершенно заурядной внешности, – Головин Роман Ильич, старший следователь, – представился он.

– Да, это моя дочь Вика... она... – Ася почувствовала дикую слабость и начала медленно сползать вниз и, если бы Головин не заметил этого и не подхватил её под руки, она упала бы.

– Подождите, подождите, она, ваша дочь... вроде жива, так врач сказал, успокойтесь, жива она!

– Жива, Вика жива? – при этих словах по Асиным щекам полились слёзы, – разве это возможно?... восьмой этаж? этого просто не может быть, вы врёте мне... специально врёте? – замотала Ася головой, она наконец почувствовала, что ей холодно, она стояла на морозе в лёгком ситцевом халатике с короткими рукавами. Головин заметил её дрожь и сняв с себя куртку накинул ей на плечи. словно очнувшись, Ася рванулась к машине скорой помощи, пыталась найти врача. Вику переложили уже на носилки и медсестра подключив капельницу, накрыв казённым пледом, помогала перенести её к машине.

– Вика, Викуша, – Ася истерично пыталась докричатся до дочери, – девочка моя, солнышко моё, – она шла рядом с носилками и то кричала, то бормотала, то всхлипывала. Она ещё никак не верила в то, что сказал Головин.

– Да, не кричите вы так, она же ничего не слышит, она без сознания, вы что не видите? Вы кто? – к Асе подошла молодая женщина в синей форме работника скорой помощи, – успокойтесь, она вас всё равно не слышит.

– Я... я... я мать, мать. Это моя девочка – Как зовут девочку, фамилия какая?

– Вика, Виктория Павловская... – доктор! – повернувшись Ася обратилась к женщине, – это правда, что Вика жива? – задавая вопрос Ася боялась услышать отрицательный ответ, поэтому спросила очень тихо, почти шёпотом.

– Жива, жива, но только в очень тяжёлом состоянии. Конечно это чудо, что три дня шёл снег и уборочные машины навалили этот огромный сугроб и к счастью вывезти не успели! Да ещё её юбка, она такая большая и плотная, что сработала как парашют. В общем, пока сказать сложно, явно крови нет, а что внутри... Переломы-то обязательно, это чепуха, но, главное посмотрим, что с позвоночником.

Ася внимательно слушая доктора, не верила ещё до конца тому, что та говорила, но послушно кивала, внимая каждому её слову. Главное, что жива, жива, жива! Это же просто чудо!

В Скорой Ася держала тоненькую руку дочери, гладила и как одержимая твердила только одно: ничего, родная, всё будет хорошо, всё будет хорошо. Вику повезли в ближайшую клинику и сразу же определили в операционную. Ася осталась сидеть в коридоре- дальше её не пустили. Немного придя в себя Ася обнаружила, что на ней чья-то куртка и тут только вспомнила, что куртка эта того следователя Головина. Она даже не успела придумать, каким образом ему её вернуть, как увидела его приземистую фигуру направлявшуюся по коридору напрямик к ней.

Головин склонив чуть набок голову внимательно посмотрел на Асю:

– Вы позволите, – и он присел рядом, на нём был толстый свитер и Ася подумала, что ему не должно было быть слишком холодно без его куртки даже на морозе. Тут же она одёрнула себя, понимая, что всякая чепуха лезет в голову, и всё же она готова думать про всякую чепуху только потому, что ей страшно было осознавать всё происходящее, ей хотелось спрятаться с головой в этой его нелепой куртке, как страусу зарыть голову в песок, закрыть глаза и проснуться, как от страшного сна, но ещё больше ей хотелось умереть самой...

Вика- её единственная радость в жизни, Вика была на операционном столе; её такую худенькую, такую нежную, её девочку, её солнышко, весь смысл её такой бестолковой жизни, её Викушу там за этими стеклянными дверями собирали по кусочкам!

– Давайте рассказывайте, Анастасия Андреевна, что произошло? – и Головин собрался внимательно слушать, – вы только успокойтесь. Главное, что девочка жива, а уж хирурги постараются, а вы пока мне всё расскажите, так и время быстрее пройдёт, – успокаивал он её привычным для такого случая следовательским способом. Он, конечно, уже кое-что выяснил у немногих очевидцев, но сама суть так и оставалась пока непонятной: как и почему девушка выпала из окна? Или не выпала?

Ася не плакала, не стонала, говорила монотонным и бесстрастным голосом о том, что Вика рано пришла со школы, пришла с одноклассником Никитой, а она, Ася, находилась в

кухне, у неё работа на телефоне... и так подробно дальше обо всё, что происходило. Головин выпрашивал всё дотошно, по минутам. Несколько раз уточнил, когда ушёл Никита, когда Ася вошла в комнату.

Пожалуй, и всё. Больше у него вопросов пока не было, но прощаясь, он предупредил, что разговор совсем не окончен, он всё проверит, уточнит и возможно сам подъедет или вызовет её к себе: как ей будет удобнее. Сейчас главное, чтобы операция прошла удачно и Вика скорее пришла в себя.

– Куртку пока оставьте, а я всё равно на машине, потом как-нибудь... держитесь, Анастасия Андреевна, до свидания.

Она машинально кивнула ему вслед.

Операция продолжалась очень долго, Ася то сидела на низенькой банкетке, то вставала и ходила по коридору, то стояла у дверей в операционный блок и молилась, не зная ни одной молитвы, молилась своими словами веря, что Господь её услышит, что он-то поймёт её просьбу, её мольбу о помощи, о чуде, что поможет её несчастной бедной девочке и спасёт, обязательно спасёт! Она молилась первый раз в жизни, терпеливо ждала и молилась, ждала и молилась, ждала...

Вика никогда не была весёлым и беспечным ребёнком, а когда стала барышней, то и совсем посерьёзнула. Ася старалась не доставать дочь пустыми расспросами, да и времени особого на душевные разговоры у неё не было.

Замужем Ася никогда не была и Вика родилась можно сказать просто случайно.

Когда Ася окончила институт сразу же умерла мать от долго тянувшейся онкологии, а у отца случился инсульт и он практически был неподвижен. Ася крутилась как белка в колесе: работа, магазины, судна, стирка, уборка. Отец требовал постоянного ухода и внимания и днём, и ночью; своей беспомощностью он вызывал нестерпимую жалость, но помочь ему не могли самые знающие неврологи, он лежал и тихо угасал, теряя с каждым днём интерес и к своей жизни, и к жизни дочери. Денег катастрофически не хватало, ни его пенсия, ни её зарплата не покрывали расходы на приходящую сиделку, еду, лекарства и прочее.

Соседка предложила ей дополнительно подзаработать у друга её мужа – знаменитого художника. Надо несколько раз в неделю убирать квартиру и только. У Матвея Борисовича, так звали художника, большая студия на Сретенке, где он работает и проводит основную часть жизни, а в соседнем доме, здесь в Чертаново, живёт его семья: жена со слабым здоровьем и двое сыновей-подростков.

Недолго думая, Ася согласилась.

Матвей Борисович Павловский был пятидесятилетним красавцем с гривой кудрявых светлых волос, эпатажно одевающимся богемным небожителем. Говорил он протяжно и певуче, пристально оценивая чуть прищуренным взглядом собеседника, будто прикидывая годится ли тот или та в воплощение им его портрета на бессмертном холсте. Жена его представляла собой абсолютно бесцветное создание, тихое и немощное. Но, как потом разъяснила соседка, именно она обеспечила ему светлый и прямой путь в Союз художников, в устройство персональных выставок в Москве, России и за её рубежами будучи дочерью одного весьма важного чиновника от культуры.

Асю всё это мало волновало, платил Павловский ей довольно много и аккуратно, уборка не была слишком тяжёлой, а хозяйка слишком привередливой. Асе исполнилось к тому времени двадцать шесть лет, она не была красавицей, но и уродиной её назвать было бы смешно: худенькая, среднего роста, густые чёрные волосы собранные резинкой в конский хвост, небольшой мило очерченный рот. Вот только нос немного великоват, а так вполне, вполне ничего. Но вот карие, довольно большие глаза с лёгким прищуром, особенно, когда она во что-то внимательно всматривалась, придавали лицу какую-то особую неповторимость и выдавали потаённую глубину чувств и вместе с тем аналитический склад ума.

Однажды Павловский, посмотрев на Асю своим фирменным оценивающим взглядом, попросил ему попозировать: он собирался создать галерею образов молодых девушек и юношей для предстоящей выставки в Италии, разумеется за приличное вознаграждение. Ася согласилась, не столько из-за денег (хотя это было крайне важным аргументом), сколько из интереса и хоть какого-то разнообразия в её теперешней унылой, однообразной жизни.

Несколько раз она приезжала к нему в студию на Сретенку. Вся обстановка там перенесла Асю в совершенно иной, сказочный мир, мир богемы описанный в романах, мир одухотворённый, мир восторженно прекрасный, мир ярких красок и терпких запахов творчества, мир Матвея Павловского.

Сеансы позирования закончились и Ася поняла, что мир этот уже живёт в ней – она ждала ребёнка. Матвей Борисович воспринял ситуацию без истерики и ультиматума: если Ася хочет, пусть рожает. От жены он никогда, разумеется не уйдёт, но ребёнка признает, помогать будет. Ася решила оставить ребёнка.

Господь Бог очевидно пожалел её весьма своеобразным способом, облегчил ей нагрузку и существование – когда Ася была на четвёртом месяце беременности, он призвал к себе несчастного её отца и несостоявшегося дедушку.

Так Вика появилась на свет: не в результате пламенной страсти, не в результате необыкновенной взаимной любви, а просто по нечаянно сложившимся обстоятельствам.

Ася никогда об этом не жалела. Павловский регулярно помогал деньгами, изредка виделся с Викторией, но в процесс воспитания никогда не влезал и особых чувств к дочери, как ей казалось, не испытывал.

Когда Вика подросла и смогла здраво оценить существующее их семейное положение, то при возникшей очередной ссоре бунтующего подростка с замотанной, затюканной денежными и бытовыми проблемами матерью, с вызовом заявила: "Я никогда, слышишь никогда, так как ты жить не буду! Это не жизнь, а прозябание, тусклое и нудное! Лучше совсем не жить, чем жить так как ты!!"

Ася стояла у окна и смотрела вниз на подъезжающие ко входу Приёмного отделения больницы машины скорой помощи. Перебрав за эти часы ожидания все моменты их жизни, скрупулёзно воссоздав все разговоры, все ссоры и перепалки с Викторией за прошедшие семнадцать лет, она вспомнила и тот разговор, и те обидные слова в свой адрес. Неужели это и есть причина того, что Вика сделала?

Ведущие в операционную двери распахнулись и из них вышли несколько человек в зелёной хирургической одежде. Впереди шёл профессор Марк Евгеньевич Слободкин хирург-травматолог проводящий самые сложные, уникальные операции. Вид у него был довольно усталый после проведённых на ногах 5 часов в операционной. Уже не молодой, но всё ещё подтянутый, Слободкин твёрдой походкой направился к ней, снимая на ходу с головы зелёную хирургическую шапочку отчего стала видна абсолютно лысая, крупная его голова:

– Вы мать Павловской Виктории? – Ася утвердительно закивала, – ну что ж, операция сложная, но прошла нормально, – Марк Евгеньевич при этом удовлетворительно погладил лысину, – подремонтировали вашу девочку: перелом локтевой и лучевой костей обеих рук, перелом малоберцовой и большеберцовых костей правой ноги, перелом правой седальной кости таза... но, повторяю, операция прошла нормально насколько можно сейчас судить. Поскольку она ещё совсем молода, то будем надеяться, что всё срастётся без последствий. Серьёзных повреждений костей черепа нет, но всё же есть небольшая трещинка... сотрясение головного мозга... но нейрохирург даёт оптимистический прогноз... поэтому, мамочка, время, нужно только время, наберитесь терпения... – потом, немного запнувшись, будто переведя дух и посмотрев куда-то мимо Аси, добавил, – к сожалению, ребёнка при таких обстоятельствах спасти не удалось... Ничего, сами понимаете, сделать мы не могли. А вообще, она у вас в рубашке родилась. Точнее, юбка её спасла... Впервые такое в моей практике!

– Ох... Спасибо вам, доктор! Спасибо, Марк Евгеньевич, – и Ася неловким движением попыталась поцеловать ему руку, но наткнулась на зелёную шапочку, которую он скомкав теперь перекалывал из одной в другую. Слободкин смутившись резко отдернул руку:

– Прекратите, это совсем лишнее, держите себя в руках! – но тут же понимающе приобнял её, чуть похлопав по плечу, – всё хорошо будет, надо только терпение...

– А ходить она будет? – Ася умоляюще посмотрела ему в глаза, – а какого ребёнка спасти не удалось, вы же... говорите, что операция прошла успешно и жизни Вики... – произнеся это, до Аси вдруг дошёл весь смысл сказанного Слободкиным.

– М-м-м... Так вы не знали, что ваша дочь была беременна? Срок небольшой – восемь недель... – он посмотрел на Асю не столь сочувственно, сколь удивлённо, – вы живёте вместе? – и не дожидаясь ответа, поспешил закончить разговор, – терпение, я повторяю терпение, надо надеяться... извините, меня ждут. А вы езжайте домой, до утра она не очнётся от наркоза.

И Слободкин быстрой походкой направился вдоль по коридору, бросив шедшей навстречу пожилой медсестре: – Анна Ивановна, накапайте ей успокоительного.

Когда Слободкин с коллегами скрылся в дебрях клиники, Ася долго ещё стояла, оглушённая услышанным о Вики. Она совершенно ничего не знает о своей дочери – это открытие привело её в ужас!

– Вот, выпейте, – медсестра протягивала Асе мензурку с успокоительным, – обязательно выпейте. И вот, что я вам скажу, езжайте-ка вы домой, тут пока делать нечего. Операция закончилась, слава Богу, Марк Евгеньевич оперировал, он только вчера из отпуска вернулся. Лучше него никто бы не смог. А теперь за ней только уход нужен...

– Да как же я уеду, как девочку мою оставлю? – Ася присела на диванчик и выпила протянутое медсестрой зелье.

– Вас как зовут?

– Анастасия Андреевна, Ася.

– А меня – Анна Ивановна, я старшая медсестра во второй ортопедии. Так вот, Ася, я всякого насмотрелась, и ещё в худшем состоянии к нам привозили, а выхаживали и порядок. А тебе, милая, столько сил понадобится, ох! столько сил! Она ещё несколько дней в реанимации пролежит, а туда тебя всё равно не пустят; а когда её в палату переведут, вот тогда тебе много сил понадобится: она себя ведь ещё не скоро обслужить сможет. А потому езжай домой, отдохни, переоденься... что ж ты в этом лёгком халатике здесь находиться собралась? У тебя деньги – то на такси есть? Я смотрю, ты в чём была в том и примчалась... – Анна Ивановна покачала головой.

– Вы мне если можно телефон дайте позвонить.

И Ася взяв протянутый Анной Ивановной мобильник принялась звонить подругам: одна была в командировке, другая вне зоны действия, третья лежала с гриппом и т. д. Остался всего один возможный номер – номер следователя Головина Р.И. на визитке, которую он сунул ей в карман халата, и она позвонила ему.

Головин приехал через два часа, привёз её сумку, ключи от квартиры, дублёрку и предложил доставить домой. Обессиленная Ася равнодушно согласилась.

– А как вы в квартиру – то попали, – спросила она, когда немного пришла в себя и отогрелась в салоне машины.

– Анастасия Андреевна, я всё же при исполнении. Вы уехали со Скорой, а я расспросил соседей, выяснил все ваши координаты и, кстати, квартира ваша была открыта! Я же всё равно должен был осмотреть место откуда...

– Так вы что и обыск провели в моей квартире!?! – вдруг дошёл до Аси смысл его слов.

– Это совершенно необходимо хоть при вас, хоть без вас – ордер у меня был. Мне же положено всё расследовать, причины и прочее... вы должны понимать, уж извините.

Ася отвернулась и остальную часть пути до самого дома не произнесла ни слова. Крупными хлопьями пошёл снег величаво спускаясь откуда-то из чёрной бесконечности вселенной, дворники переднего стекла едва успевали очищать его, видимость резко ухудшилась. Головин тоже молчал, он вёл автомобиль сосредоточенно вглядываясь в темноту, хмурился, но не приставал с расспросами.

Теперь она думала только о Вике, о том, что произошло, кто был отцом несчастного, неродившегося Викиного ребёнка.

Когда они наконец добрались по заснеженным улицам до Асиного дома, часы показывали далеко за полночь. Головин услужливо предложил проводить её до квартиры, но услышав усталое и измученное "нет, спасибо", настаивать не стал и уехал.

Почти целый месяц Вике пришлось пробыть в клинике, обе руки и ногу её покрывал сплошной слой гипса, лежать приходилось в неудобной позе "лягушки". Первое время её постоянно тошнило, сильно болела голова, но она мужественно сносила все мучения, терпела чуть притухающую от наркотиков боль и ни на что не жаловалась. Ася практически жила в её палате, кормила, ухаживала, иногда читала вслух, а разговаривала только на темы, касающиеся Викиного состояния или надобности в помощи.

В самый первый раз войдя в палату и увидев дочь, решила, что на все вопросы об отце ребёнка и о том, почему произошло то, что произошло, она наложит строгое табу до того момента, когда девочку выпишут домой. Сама Вика на эти темы тоже не заводила разговоров. Никита звонил регулярно Асе и всё порывался приехать, но Вика категорически была против: ей никого кроме матери видеть не хотелось. Один раз он всё же нарушил запрет, но вынужден был всё время отведённое для посещения просидеть в коридоре возле Викиной палаты, передал Вике огромный букет цветов, и довольствоваться ему пришлось только недолгим разговором с Асей. Звонили ли Вике подружки, Даша и Лена, было неизвестно: Вика попросила свой телефон отключить и ни с кем даже разговаривать не хотела. На все Асины пожелания отвлечься отвечала коротким словом "потом".

Позвонить отцу Вики, Матвею Борисовичу, Асе пришла в голову мысль только однажды и то эта мимолётная мысль быстро улетучилась под влиянием других, более важных, более насущных для данной ситуации мыслей, решений и размышлений. К тому же она не хотела, чтобы трубку ненароком взяла его жена. Ася сама никогда ему не звонила. Отец с Викторией общался редко и обычно по своей инициативе, братьев Игоря и Валерия Вика видела несколько раз. По крайней мере Ася не думала, что эти общения были чаще и Вика что-то от неё скрывала. Хотя теперь она уже ни в чём не была уверена. Оказалось, что дочь давно выросла, ещё не окончив школу стала женщиной, и всё это прошло мимо её, материнских глаз, её материнского внимания...

Несколько раз приезжал следователь Головин, чтобы поговорить с Викторией. Ася при их беседах не присутствовала, по его просьбе ждала в коридоре. Иногда он проходя мимо приветливо что-то говорил ей, иногда просто бурчал "до скорого", но однажды, уже накануне Викиной выписки домой, увидев Асин вопросительный взгляд, остановился и предложил поговорить. – Анастасия Андреевна, следствие почти закончено, опрошены все имеющиеся свидетели, а главное, что я наконец выяснил всё у Вики. Она мне всё подробно объяснила. Поэтому не волнуйтесь – это не было суицидальной попыткой.

– А как же, почему она упала?

– Когда ушёл Никита, она решила немного поспать. Вы же должны знать, что беременным часто спать хочется. Солнце ярко светило в окно и надо было задёрнуть шторы, она залезла на подоконник, чтобы это сделать. Снизу у неё никак не получалось, там колечко заклинило – я проверял. Она правду говорит. Окно оказалось не закрытым- замок сломан, я тоже проверил. Голова закружилась, ну и... Так всё и произошло. Если честно, то у меня много версий было: я и Никиту подозревал, и простите даже вас, – Ася широко раскрыла глаза, а Головин ничуть

не смущаясь продолжил, – но вы в это самое время разговаривали по телефону – я сверялся со временем разговора на телефонной станции, а его, Никиту, запомнила проходящая мимо женщина, поскольку он поскользнулся и чуть не сбил её с ног. И по времени это было минут за двадцать до Викиного падения. А в доме напротив сразу несколько человек видели, как упала Вика. Они курили на лоджии и подтвердили и время, когда это произошло, и то, как она падала, то есть было видно, что она именно падала, а не выбрасывалась из окна. Извините меня за такие подробности, – Головин осторожно взял Асю за руку и чуть стиснул в своей большой и почему-то холодной руке, – я понимаю, что вам их больно и неприятно слушать, но вы мать и должны знать, что у вашей дочери с психикой всё в порядке... в общем, это несчастный случай. Я дело закрываю.

– Да, я всё понимаю, не извиняйтесь, – Асе почему-то не захотелось отнять свою руку, и это холодное прикосновение ей было даже приятно, – вы же должны были установить истину, Роман Ильич, это же ваша работа, – Ася всё же убрала руку, – Да, это для меня очень важно, вы просто камень с души сняли, я всё думала почему, почему, – она облегчённо вздохнула, но тут же принялась вслух изводить себя обвинениями, что работая в оконной фирме, у неё в доме был неисправный замок в окне! Какая она неряха, какая неумеха! Замок этот уже давно сломался и не работал как надо! Это она во всём виновата!

– Ну, хватит! – вдруг резко прервал поток её самобичевания Головин, – не говорите ерунды, я хоть и атеист до мозга костей, но всё же истину "чему быть, того не миновать" не могу отрицать. Тем более, что всё окончилось более менее хорошо – Вика жива! – помолчав немного, он неожиданно бодро, словно ему в голову пришла гениальная идея, попросил, – Знаете что, Анастасия Андреевна, а можете меня чаем напоить? Я видел вы Вике заваривали, а то что-то я сегодня замёрз, никак не могу согреться, – и уже извиняющимся голосом добавил, – двое суток не спал, сложный случай произошёл позавчера на Пражской.

Асю эта просьба ни только не смутила, но по настоящему привела в чувства.

– Да, конечно, пошли в палату, вместе все чай и попьём, у нас с Викушей и плюшки есть, и колбаса. Я вам бутерброд сейчас сделаю.

На следующий день рано утром в палату зашёл Марк Евгеньевич Слободкин с палатным врачом Надеждой Петровной, они внимательно расспросили в который раз Вику об её ощущениях, затем заглянул невропатолог; решено было назначить выписку через два дня, в пятницу.

Дома Вике предстояла ещё долгая реабилитация: массаж, лечебная физкультура, физиотерапия.

– Хорошо бы ещё долечиться в специализированном лечебном центре, их несколько под Москвой, свежий воздух, процедуры, – посоветовал приходящий из поликлиники травматолог, – но туда путёвки дорого стоят, можно, конечно, ждать пока квоту выделят, но это очень долго-полгода, а может и больше. Вы уж постарайтесь как-нибудь.

Ася старалась изо всех сил, хорошо хоть на работе вошли в положение и не уволили, когда она месяц жила с Викой в больнице. Зато, когда оказалась дома, крутилась целый день: по-прежнему целыми днями трещал телефон, по-прежнему, прислонив к уху трубку готовила еду, загружала и выгружала стиральную машину. Вика старательно выполняла все предписания врачей, и с настроением у неё вроде стало лучше: Никите, Лене и Даше было разрешено иногда заходить и они помогали Асе, покупали по списку продукты, лекарства.

Самая близкая подруга Вики Наташа Левина только недавно узнала о случившемся, поскольку была постарше и уже заканчивала учёбу в медицинском колледже, то сдавала сессию, то... В общем, как оказалось, она собиралась выходить замуж. Наташа вызвалась помогать Вике с занятиями. Правда, вскоре эта идея отпала как неразумная- решено было просто перенести сдачу выпускных экзаменов на следующий год и не пороть горячку. И только вопрос об Викином несостоявшемся материнстве так и остался невыясненным: Ася боялась обидеть дочь своим любопытством, а Вика по-прежнему молчала.

Головин иногда звонил, пару раз приезжал "попить чайку" и Ася вскоре обнаружила, что общение с ним ей не безразлично, от его неторопливости в разговоре исходили флюиды доброжелательности и защищённости.

Время шло и необходимо было решать, что же делать с Реабилитационным центром, денег у Аси на путёвку явно не хватало. Занимать уже было не у кого: всем знакомым и друзьям она и так была должна. И когда она всё же решилась сообщить Павловскому о том, что случилось с Викой и какие сейчас у них возникли проблемы, Матвей Борисович, словно прочитав на расстоянии её мысли, позвонил сам. Ася в душе ликовала, что не пришлось унижаться.

Своим тягучим, а с возрастом просто гнусавым голосом, Матвей Борисович осведомился об их житье-бытье... то, что в ответ рассказала ему Ася привело его просто в шоковое состояние, в один момент разговора Асе даже показалось то, что или ему стало плохо, или прервалась связь, так долго затянулось его молчание. Наконец, в трубке послышалось лёгкое покашливание, потом многократное "охо-хо", после этого он совершенно твёрдым голосом спросил, чем он может помочь. Матвей Борисович несмотря на выработанную за многие годы богемно-расслабленную манеру разговора, отличался абсолютно невяжущимся с этой его придуманной манерой характером чистого прагматика и делового человека. Поэтому Ася давно не удивлялась таким метаморфозам в поведении отца своей дочери, она не сомневалась, что Павловский всегда поможет, и поможет в конкретном денежном эквиваленте, а не просто поохает и посочувствует. Вот только сама она просить его о помощи никогда бы не стала. Такой дурацкий характер – за что всегда ругали её подруги.

Затем Матвей Борисович поговорил немного с дочерью. Когда разговор был окончен и Вика положила трубку, она усмехнувшись, с явным удовлетворением сообщила что завтра приедет Игорь и привезёт деньги, потом немного неуверенным взглядом посмотрела на мать и добавила: – Мам, давай поговорим, я хочу... мне надо тебе всё рассказать.

Ася интуитивно волнуясь присела на стул рядом с кроватью, на которой лежала Вика. Она давно ждала этого разговора, но терпеливо, боясь ненароком каким-нибудь бестактным вопросом потревожить или расстроить ещё не совсем оправившуюся от травм дочь. Девочка только недавно перестала пить сильные болеутоляющие, только недавно сотрясение мозга перестало донимать своими приступами, только недавно Вике разрешили встать на костыли и немного постоять, сидеть ей предстояло ещё не скоро.

– Мама, – Вика сделала глубокий вдох будто собиралась нырнуть в холодную воду, – никакой это не несчастный случай. Я сама это сделала, мама, понимаешь, сама!

От неожиданности Ася вздрогнула, потом внутри всё сжалось и сердце в груди казалось совсем перестало биться.

– Как сама? Ты же полезла шторы задёрнуть, замок был неисправен... Головин же всё расследовал, – Ася не верила словам дочери, – а свидетели? Они же всё видели! Что ты такое говоришь? Зачем?

– Следователь этот, Головин твой, такой лох, блин, я ему наплела в три короба, он и поверил. А свидетели... да что они могли видеть снизу-то, что? – Вика горестно хмыкнула, – это конечно, минута такая была, понимаешь, мам, минута. Если бы Никита вернулся или ты вошла, я никогда бы потом не решилась, а так... Я просто дура, дура, мам!

– Но почему, зачем ты это сделала? Должна же быть причина, это из-за ребёнка? – Ася первый раз произнесла эти запретные слова.

– Отчасти... но не только... слушай, не перебивай...

Я тебе не говорила, но осенью как-то поехала к отцу- он пригласил на свой юбилей, ему ведь семьдесят исполнилось. Там только свои были: Надежда Петровна, Игорь с женой и дочками, Валера тоже со своим сыном. Я знаю, что тебе неприятно было бы, что мы общаемся, потому и не говорила.

Ася была в шоке: у дочери сложились отношения с семьёй отца, а она, мать, ничего даже не подозревала! Стараясь не показать виду, что её это просто обескуражило, она всё же спросила: – И давно?

– Что давно?

– Давно ты... туда ездешь?

– Давно... почти два года, – смущённо ответила Вика, – но ты же обещала не перебивать.

Ася растерянно закивала, по всему телу пробежал холодок, обида болью пронзила душу. Но она решила, что больше ни о чём спрашивать дочь не будет, пусть рассказывает то, что сама считает нужным.

– Так вот, может ты не в курсе, что Игорь руководит ансамблем, он классный гитарист; мы с Наташкой Левиной несколько раз ходили на его концерты. В общем, там в его ансамбле саксофонист такой есть, Артур его зовут, классно так играет, зал просто стонет. Он мне, блин, очень нравился. И вообще жизнь у них совсем другая: интересная, насыщенная, столько всяких впечатлений, мне казалось, что это и есть настоящая, весёлая, радостная жизнь. Что только она, такая жизнь и должна быть.

Мам, помнишь, мы как-то с тобой поругались и я тебя сильно обидела, я специально хотела тебе сделать больно, такая дура была! Я сказала, что так как ты жить не буду... прости меня, мамочка, – и Вика смахнув навернувшиеся слёзы, продолжила, – я тогда тебя ещё попросила купить мне юбку в стиле бохо. Ты не поняла почему, а я насмотрелась в журналах как всякие творческие девушки модно одеваются, всё такое свободное, раскованное, юбки и платья в пол, всякие украшения этнические. Бохо это ведь от слова богема. Ну, я выпросила и ты мне эту дорогущую юбку купила! Ты работала как лошадь без продыха, а я, свинья, всё мечтала о другой, романтической, богемной жизни! Красивой жизни!

Ася слушала и у неё было такое чувство, будто всё это время она была слепая и только сейчас начинала что-то видеть, будто она была совершенно глухая и только сейчас начинала слышать собственную дочь.

– Я сказала тебе, что Новый год буду встречать у Дашки, обманула я тебя. Я напросилась в компанию к Игорю. Так просто позвонила и сказала "братик, а можно я с подружкой к вам приеду". У него гастролы в Красноярске начинались и они должны были улететь уже первого вечером. Жена его, Галя, с девочками на каникулы в Дубае были и поэтому Новый год справлял он со своим ансамблем у Артура за городом. Вот мы с Наташкой и поехали туда. Народу было много, все старше нас, конечно. Так весело гуляли, фейерверки запускали, танцевали, Артур на саксофоне прямо на морозе играл, комплименты мне делал, дескать не подозревал какая у Игоря красивая и современная сестра. В общем, много выпила я шампанского... Мам, ты же знаешь я вообще-то даже не пробовала ничего до этого, а тут... ну и развезло меня, ещё там все курили, ну и я, чтобы в грязь лицом не ударить, типа вот какая я крутая... а Артур так мне нравился. Всё как в тумане произошло. Игорь вообще не в курсе, что у нас с Артуром что-то было. Дом у него большой, комнат много, вся эта богема перепилась- мне утром так противно стало, так гадко. Я туалет искала и нечаянно дверь открыла... не ту дверь... а там Артур уже с другой девичкой в кровати лежит. Ты понимаешь, мам! Меня чуть не вырвало, нашла Наташку и мы с уехали домой. И всё. Больше я этого козла не видела...

Ну вот, а потом я узнала, что ещё и ребёнок будет. И вся моя будущая красивая жизнь накрылась медным тазом. А ждёт меня такая же тусклая и обыкновенная, серая жизнь, как у тебя, всё как у тебя, всё чего я боялась и чего так не хотела!!! И такой ужас пронзил, что когда Никиту проводила, слышу ты там со своими клиентами всё мучаешься, гроши эти жалкие зарабатываешь, чтобы меня, побочную дочь, незаконнорожденную в люди вывести... Зачем она мне такая же убогая жизнь? Вот я и решила так красиво её и закончить: юбку эту богемную одела, пластинку любимую поставила и полёт кондора изобразила...

Вика замолчала, она лежала и смотрела в потолок, по её щекам текли слёзы.

– Ничего, ничего, родная моя, солнышко моё, рассказала и умница, теперь легче будет, – Ася гладила дочь по светлым пушистым волосам и нежно целовала в лоб, нос, мокрые щёки, – будет у тебя ещё очень хорошая, красивая жизнь. Не такая показушная, а настоящая, понимаешь, Викуша, настоящая. Ты ведь у меня талантливая, ты же красивая, умница, ну, а ошибки – их каждый человек в молодости делает, а как же? Это опытом называется. Отрицательный, но всё равно опыт. – Ася с трудом подбирала нужные слова, ей хотелось высказать разом всё то, о чём она раньше не говорила с дочерью. – А мою жизнь ты напрасно считаешь неудачной, я очень даже счастлива- у меня есть ты, ты самое большое моё счастье.

– А у меня теперь никогда такого счастья не будет, – тихо всхлипнула Вика.

– Почему не будет? Ну пусть родить нельзя, но потом, когда ты выучишься, поработаешь, можно ребёночка взять из детдома. А я тебе всегда помогу... тебе главное, сейчас надо о здоровье думать и сил набираться, и не расстраиваться. Всё уже позади. Вот купим сейчас путёвку, поедешь в этот Лечебный центр, а осенью заниматься начнёшь. Всё хорошо будет, вот увидишь, всё образуется.

Потом они обе долго молчали и думали каждая о своём: Ася о том, сколько страданий моральных и физических пришлось перенести её девочке, а Вика – как она любит мать и сколько горя ей совершенно незаслуженно принесла.

На следующий день приехал Валерий, увидев обращённый на него вопросительный взгляд Аси, объяснил, что Игорь сегодня очень занят и поэтому выполнить просьбу отца вызвался он. Ася не видевшая сыновей Матвея Борисовича с того самого времени, как убиралась в их квартире, то есть семнадцать лет, была поражена как много общего у Вики и этого её брата Валерия, те же светлые кудрявые волосы, тот же разрез больших серых глаз, те же немного пухлые губы. Сколько ему лет Ася точно не знала, под тридцать наверное, а Игорю должно быть чуть больше. Ну да, точно, тогда Игорю было лет пятнадцать, а Валерию почти тринадцать. Видела она их очень редко, обычно они были в школе или посещали какие-то секции. Смутно помнила, что Игорь был темноволосый, похожий на мать, а Валера светленький. Интересно, а как теперь выглядит Надежда Петровна, его жена? У неё и тогда уже было слабое сердце.

– Да, Анастасия Андреевна, вот папа передал, – Валерий прервал Асины мысли и протянул ей пухлый конверт, она не стала смотреть сколько там денег, посчитала это верхом неприличия.

– Спасибо, может чаю? – они так и стояли в коридоре, Ася не знала как себя вести, но тут неожиданно на помощь пришла Вика, она громко крикнула из своей комнаты:

– Мам, пусть Валера ко мне зайдёт, принеси нам чаю, пожалуйста!

Когда Валерий зашёл к Вике, Ася услышала радостные восклицания обоих, потом приглушённый разговор и даже смех.

Надо же, Ася никогда даже не могла и представить, что такое могло случиться, но по всей вероятности всё же случилось. У Вики там тоже семья: братья, отец и, вероятно, даже жена Матвея, Надежда Петровна, тоже к ней нормально относится. Конечно, именно поэтому у её девочки и произошло такое раздвоение, она постоянно сравнивала эту их обыденную, довольно скучную жизнь и ту, которая царил в семье отца, обеспеченную, наполненную интересными встречами, поездками, впечатлениями.

Когда наконец вскипел чайник, Ася поставила чашки со свежесваренным чаем и вазочку с любимым Викиным вишнёвым вареньем на небольшой пластиковый поднос, и пошла угощать весело беседующую свою дочку с её новоявленным братом.

Посидев ещё с полчаса, попрощавшись и пожелав Вике скорейшего выздоровления, попросив Асю сообщить в какой именно Лечебный центр поедет Вика, Валерий уехал. Асе было любопытно узнать, чем он занимается и оказалось, что никакого отношения ни к художникам, ни к музыкантам, ни вообще к другим творческим профессиям он не имеет: к этому у

Валерия никогда не было ни способностей, ни интереса. Он окончил медицинский институт и работает обычным стоматологом в обычной поликлинике. С личной жизнью у него проблемы: жена оставив ему двухлетнего сына, укатила в Америку, а потом случались только кратковременные романы и всё.

– Мам, у него очень мягкий характер, поэтому и трудно, его все женщины используют мне кажется. Вот Игорь совсем другой, он как отец: с виду пофигист, а сам знает чего хочет и всегда добивается.

– А ты?

– А я, я теперь поняла всё. Я хочу быть такой как ты- сильной и не сдаваться! Может и хорошо, блин, что я совершила этот "полёт кондора"?

– Господи, ну и дуручка же ты, ну что ты такое городишь, мне тебя даже слушать страшно, перестань!

– Ну, да это конечно, я хватанула, дура и есть дура, ты права. Но мне Анна Ивановна в больнице так всё про тебя объяснила, она так тобой восхищалась!

– Анна Ивановна... эта старшая медсестра? Когда же вы меня обсудить умудрились, я же вроде всегда в палате была?

– Да вот, когда ты в магазин бегала, а потом ещё к Слободкину... Она так мне нравилась, добрая и мудрая. Говорит, что мне с тобой повезло, ты не раскисаешь и тянешь своё время не ноя. Так и сказала- время. Я спросила её: время это я что ли? А она – какое ты время?! Я имею в виду трудную судьбу, то есть, что оставшись без родителей одна с ребёнком и без работы, твоя мама не спилась, не опустилась, а как лягушка лапками в молоке масло сбила и спаслась. Я тогда прямо рассмеялась! Мам, представляешь, у меня всё болит, голова ноет, я в этой позе "лягушки" лежу, а она мне про тебя, что ты тоже лягушка! Выходит мы две лягушки, семья у нас лягушачья, блин, – Вика засмеялась, – мам, это же классно, понимаешь?!

– Ну, конечно, только хорошо бы, чтобы потом эти лягушки в царевен превратились, то-то было бы классно, "блин"! – и Ася тоже расхохоталась. Так они ещё долго на все лады развивали лягушачью тему и смеялись, и чувствовали обе, что жизнь налаживается, плохое, ужасное уходит и впереди ждёт обеих много хорошего и светлого.

С середины мая Вика находилась в центре и дела её шли прекрасно: она тщательно выполняла все указания врача, старалась побольше быть на свежем воздухе и понемногу ходила на костылях, до полного выздоровления, разумеется, было ещё далеко, но результаты с каждым днём обнадеживали и радовали. Центр находился в ближайшем Подмосковье и доехать до него на электричке не составляло особого труда. Никита и Даша приезжали в воскресенье и по просьбе Вики привезли ей бумагу и пастель: она почувствовала внезапное желание рисовать.

Места были и впрямь красивые, деревья покрылись нежнозелёной листвой, которая бывает только в мае, уже зацвела черёмуха, разбросав белые свои кусты- шары по всей территории. К тому же настроение у Вики неожиданно улучшилось: она несколько дней назад познакомилась с молодым человеком. Звали его Денис, он сам подъехал к ней на коляске, заинтересовавшись как и что она рисует. Разговорились, оказалось, что он попал в аварию, когда возвращался поздно ночью с тренировки, он профессионально занимался теннисом и был уже мастером спорта, готовился к чемпионату России. И тут случилось непредвиденная беда – в него врезался мчавшийся по встречке грузовик, за рулём пьяный шофёр. История банальная до противности, в результате Денис больше года лечится, ему сделали уже две операции и после курса реабилитации предстоит третья. Ходить он пока не может, но очень надеется...

Дни у Вики проходили по чёткому расписанию: занятия ЛФК, массаж, бассейн, прогулка, рисование, а вечером после ужина встречи с Денисом в парке. Скучать не приходилось.

Ася звонила дочери каждый день, слышала её бодрый голос и не смотря на это переживала, что не может приехать в ближайшее время. Та успокаивала, рассказывала ей подробно

обо всём, что происходило за день, чтобы зря не волновать мать. Но обе всё равно сильно скучали.

Так пролетели две недели Викиного прибывания в Лечебном центре и наконец, Ася всё же выкроила время, чтобы навестить дочь, хотя сделать это в летний сезон было достаточно трудно. Пропустить всего один рабочий день летом в их фирме "Свет в окне" – это всё равно, что потерять почти недельный заработок зимой!!!

Головин иногда приезжал узнать как дела, как настроение. Но случалось это крайне редко и хотя расставаясь у обоих возникало чувство чего-то недосказанного, чего-то невыясненного, менять распорядок этих редких встреч похоже никак не получалось ни с его, ни с её стороны.

Обычно он звонил заранее перед тем, как собирался заехать, но в этот раз вышло совсем неожиданно. Ася только закончила оформление последнего заказа и повесила телефонную трубку, как раздался звонок в дверь. Она не очень удивилась, поскольку в домофон никто не позвонил, а значит это не чужой с улицы гость, а кто-то из соседей по подъезду. Но глянув по привычке в дверной глазок пришла в смятение – на площадке стоял Головин. Время половина девятого вечера, она не совсем в форме для принятия гостей, тем более мужского пола, а тут...

Она мельком окинула себя в зеркале: коротко остриженные неделю назад волосы торчащие ёжиком и голубая майка поверх джинсов делали её похожей на мальчика-подростка. "Нда! Совсем не фонтан... пожалуй, надо хоть губы подкрасить, – и она сняла колпачок с тюбика помады, но почему-то передумала, – да неважно, Похоже у него что-то случилось!" – внезапно пронеслось в голове, и она открыла дверь.

– Что-то случилось? – выпалила она не скрывая волнения в голосе. Головин медленно прошёл в кухню чуть не задев её своим громоздким телом. Она недоуменно посторонилась.

– Да, случилось... Анастасия... Ася, у меня сегодня друг погиб, очень близкий, верный и хороший человек.

Мы с ним почти десять лет вместе работали, он оперативником был. И вот всё, нет его теперь...

Головин сел и поставил на стол бутылку водки. Ася растерянно и сочувственно наблюдала, она не знала как реагировать, что сказать этому серьёзному, умному и мужественному человеку. Что она могла ему сказать, какие слова утешения подобрать?

– Ты уж меня извини, так тяжело и домой идти не хочу, там пусто...

– А жены разве дома нет? – робко задала она как ей казалось неуместный и глупый вопрос в этой ситуации.

– Жены... никакой жены у меня нет, уже пять лет как нет... ушла она по этой же причине – надоело бояться. У нас ведь всякое может случиться. Давай, моего Кольку помянем?

Ася утвердительно закивала головой и достала из шкафчика два высоких фужера для шампанского. Она была в смятении от того, что он как-то неожиданно перешёл с ней на ты и назвал её Асей. Кроме этого, он пришёл к ней со своим горем, со своей бедой, с той бедой, с которой ходят только к очень близким друзьям, к очень близким людям. Это внезапное открытие так поразило её, что она совсем забыла и о том, что не очень хорошо выглядит, и о том, что водку обычно из фужеров не пьют.

Похоже и он этого всего не заметил, настолько был поглощён своими переживаниями. Он сидел в серой тонкой ветровке, надетой поверх серо-голубой давно не стиранной майки, в грязных, измазанных глиной кроссовках, которые забыл снять. Сидел облокотившись двумя руками на стол и молча смотрел перед собой, смотрел сквозь Асю, он выглядел совершенно разбитым, усталым, измученным. Она сидела напротив и не знала, как его успокоить, что должна делать, что говорить. Внезапно, Головин словно очнулся и разлил водку в фужеры, ему было всё равно, ей даже показалось, что он просто забыл о её присутствии.

– Ну, давай, помянем не чокаясь моего друга... Колян, светлая тебе память! – и залпом опрокинул весь фужер.

Ася повторила "Светлая память" и тоже отпила, стараясь не морщиться. В этом момент она сообразила, что надо бы чем-то закусить и вообще его покормить и, извинившись за своё упущение, принялась вытаскивать из холодильника подряд все имеющиеся продукты, пожарила ему яичницу с колбасой на скорую руку. Через какое-то время она почувствовала, что Головину полегчало, он почти не опьянел, но напряжение всё же спало. И он принялся рассказывать, какой был этот его друг Коля, как много преступлений они вместе с ним раскрыли, как вместе часто выезжали на задержание и, наконец, как сегодня нелепо окончилась его сорокалетняя жизнь. Поехав на задание, он забыл надеть бронежилет. Вот и всё.

Закончив горестные воспоминания о друге, Головин внезапно спросил:

– Это ничего, что я так нахально перешёл на ты? Просто я подумал, ну сколько можно... Ася?

– Ничего, это даже приятно, Роман Ильич, – она почувствовала, как краска прилила к щекам и шее, но не только от выпитой водки.

– Не Роман Ильич, и даже не Роман, а просто Рома! – при этом он замотал головой и погрозил пальцем. – мы достаточно давно перемалчиваем то, что чувствуем уже давно, верно?

Так просидели они почти до самого утра, которое начинается в конце мая довольно рано, и говорили обо всём. Ася рассказала, что собирается завтра навестить Вику и он предложил поехать вместе, тем более, что после сегодняшней трудной операции ему положен выходной, а потом через три дня, очевидно, будут хоронить Николая.

Когда они вместе приехали к Вике, то Асю поразило то, что дочь ничему не удивилась, то есть она никак не прореагировала на присутствие Головина. Вика с гордостью продемонстрировала, что она теперь долго может ходить и уже опираясь только на один костыль, затем показала огромную кипу своих рисунков, чем не просто удивила, но и восхитила не столько Асю, сколько Головина. После обеда, когда они гуляли по парку, она представила им своего нового знакомого Дениса. А потом, пока Денис о чём-то разговаривал с Головиным, отозвала мать в сторонку и шёпотом спросила:

– Он что ухаживает за тобой?

– Да нет, не знаю, просто хороший человек.

– Ну, ну, просто хороший... ты на себя смотрела в зеркало? Я тебя такой красивой не видела никогда. Подстриглась, тебе так идёт! Прямо как моя старшая сестра стала... и это всё для просто хорошего человека?

– Причём здесь это? Я всего лишь сменила внешность или имидж, как сейчас говорят, чтобы наша жизнь пошла по-новому, вот и всё. Я где-то читала, что люди иногда и имя меняют.

– Ну, этого только не хватало! Придумала. Мне – то что? Хочешь меняй. Ты для меня с любым именем – МАМА. А сама я своё имя менять не собираюсь, уж лучше как ты, подстригусь коротко. – И даже не думай, такие волосы красивые стричь! Да ты же с ними как солнышко, а так как все будешь? Нет, нет, нет. Я не разрешаю!!!

– Ладно, мам, я пошутила. А впрочем, имя сменяю!!!

– Что, как??? Я ведь просто так рассказала и всё.

– Буду... Вита, вот! – и Вика скорчила миленькую мордашку, обе засмеялись, – тем более меня так Денис зовёт, как он тебе?

– По – моему ничего, хороший парень на первый взгляд. А как же Никита, Викуша?

– Мам, ну что ты с этим Никитой ко мне всё пристаёшь? Я же тебе сколько раз повторяла – мы друзья! Ну, ладно, выдам секрет – у него с Дашей роман намечается, они уже год, как встречаются. Успокоилась?

– А Наташа Левина за кого замуж выходит?

– Да за одного парня, барабанщика из Игорева ансамбля, она с ним на той уродской встрече Нового года у Артура познакомилась. Всё, закрыли тему.

Подошёл Головин, рядом ехал на коляске Денис.

– Ася, давайте прощаться, нам ехать пора, пока пробок нет, а то только к ночи доберёмся.

Всю дорогу они возбуждённо обсуждали и Викино состояние здоровья, и её открывшийся талант в живописи, и неожиданное знакомство её с Денисом, а потом русло разговора незаметно повернуло опять к злосчастному Викиному падению. И Ася почувствовала жгучую необходимость поделиться с Головиным тем, что произошло с Викой на самом деле. И как же она была поражена, когда он даже не дослушав, перебил её на полуслове: —Да, всё это, Ася, я знаю и знал.

– Откуда, Рома, ты-то как мог догадаться?

– А я и не догадывался, ты всё забываешь, что я следователь, старший следователь с двадцатилетним опытом работы. Что ж я не знаю, что окна открываются внутрь комнаты и никак выпасть нельзя, если оно совсем настежь не открыто? А это же февраль, 20 градусов мороза! Потом, если она собиралась поспать, то переделалась бы в халатик или ещё во что-то домашнее, а не надела бы эту юбку модную, как там её "бохо" что ли?. Ася, я же не мальчик, и не дурак, и не лох, каким меня Вика восприняла. А дело закрыл я, чтобы её в психушку на учёт не поставили и всю жизнь не испортили, я же на этой работе сам психологом стал и вижу, что девочка нормальная, умная, хорошая, но просто нервы сдали и всё. Бывает, я не сомневаюсь, что такое больше никогда ей и в голову не придёт. Так, что успокойся. Всё будет хорошо и у неё, и у нас... надеюсь.

Поездка явно удалась и Ася радовалась Викиным успехам, она решила обязательно позвонить Павловскому и успокоить его, поблагодарить, да ещё и рассказать, что дочь вероятнее всего пойдёт по его стопам, будет художником.

Мамулька

Снег падал крупными рыхлыми хлопьями, он медленно кружась покрывал белым пушистым покрывалом грязные московские улицы. Ольга Аристарховна, высокая, чуть располневшая женщина в скромном тёмно-зелёном кашемировом платье отошла от окна и уютно расположилась в кресле качалке, кутаясь в белую мягкую вязанную шаль. Она с удовлетворением оглядела свою комнату, просторную и светлую, с новой мебелью и небольшим, сине-зелёным персидским ковром мягко ластящимся под ногами. Квартира была двухкомнатная: одну комнату занимала семья Шамшуриных- сама Ольга Аристарховна, её муж, Александр Семёнович, и их дочь Вероника, а в другой комнате недавно поселилась молодая женщина – соседка Надежда Ивановна Ткачёва, которая работала вольнонаёмной в Главном управлении ВМФ, там же, где служил и сам капитан первого ранга А.С. Шамшурин.

Ольга Аристарховна наслаждалась всеми удобствами в новом своём жилище: горячей водой, просторной ванной, большой кухней и широким коридором, по которому можно было прокатиться на велосипеде. По сравнению с теми двумя комнатками-клетушками на Большой Якиманке в полуподвале, где они умудрились прожить почти десять лет, без удобств, с вечной плесенью на стенах и потолке, эта двадцатипятиметровая комната на шестом этаже высокого девятиэтажного дома с трёхметровыми потолками казалась хоромами. Ах, как им повезло, как прекрасно всё сложилось, просто чудо, что Шуре наконец-то дали приличное жильё в только что построенном Управлением новым добротном кирпичном доме на Соколе. А соседка? Ну так что, она даже симпатичная и вроде вполне интеллигентная женщина.

В дверь позвонили один раз и Ольга Аристарховна пошла открывать: значит это кто-то к ним, скорее всего это Клава Лаврищева, её давняя подруга ещё по Севастополю.

Они дружили с самого детства, с того самого дня, когда в 1908 году родители определили обеих на обучение в Женскую частную гимназию госпожи Ахновской. Ольга и Клава сразу прониклись к друг другу симпатией, девочки часто вместе готовили уроки, Ольга помогала Клавдии с французским, а Клава лучше знала географию. Их семьи жили тоже недалеко друг от друга: Страховы в начале проспекта Нахимова, а Лаврищевы в середине. Обе девочки были из семей морских офицеров, с той лишь разницей, что отец Клавды, лейтенант Лаврищев, служил на линкоре «Евстафий» и погиб в 1914 году, а отец Ольги Страховой служил лекарем на линкоре «Ростислав» и был в начале 1916 года списан на берег по состоянию здоровья, вскоре он умер от внезапно открывшейся язвы желудка.

Таким образом, и этот факт, факт потери сроднил их ранимые, чувствительные девичьи души.

По окончании Гимназии Ольге предложили остаться и начать преподавать русский язык и логику, а Клавдия, окончив курсы машинисток, устроилась работать в портовую канцелярию.

Обе девушки были довольно высокого роста, худощавые, и чем-то похожие друг на друга, иногда их принимали за родных сестёр. Вот только светло- русые волосы у Ольги вились от природы, а волосы Клавдии были чуть темнее и она их подвивала щипцами. Им нравилось это сходство, и для его подтверждения обе девушки носили одинаковую одежду, делали одинаковую причёску- собранный на затылке и заколотый шпильками пучок, и эту гимназическую привычку они сохранили на всю жизнь, только со временем седина нарушила это удивительное дореволюционное сходство: Ольга была давно совсем белая, а у Клавдии в свои пятьдесят восемь – ни одного седого волоса.

Похожи они были только внешне, а вот по характеру – совершенно разные. Ольга немногословная, выдержанная, по необходимости могла слукавить, к тому же её прагматический взгляд делал её немного скуповатой, она просчитывала всё наперёд и свои поступки и те средства, которыми она располагала. Если описать её подход к жизни, то кратко это прозвучала

бы так- "постоянно жить с мыслью про чёрный день". Причём этот подход никак не зависел от её действительного материального положения на данный момент: оно могло быть вполне благополучным и не очень, неважно. Она была педантична, требовательна и к себе, и к окружающим её людям, редко шла на компромисс.

Клавдия нельзя сказать, что смотрела на жизнь более легкомысленно, но скорее проще и спокойнее, не переживала по поводу имеющегося богатства или его полнейшего отсутствия, прожить могла на любую сумму, не придавая вообще никакого значения материальному благополучию. Она была совершенно бесхитростной, искренней и прямой натурой, никогда ничего не таила, но и чужих тайн не выдавала. Так обычно характеризуют глубоко порядочных людей.

Обе были православные, крещёные, искренне верующие, но редко посещали храм – только в особых случаях. К этому приучила их атеистическая советская многолетняя действительность.

– Клавочка, ну наконец-то, я уже тебя заждаюсь, ты не долго искала наш дом? Я очень волновалась, что может быть плохо тебе объяснила, как добраться, – Ольга немного нараспев, но громко и отчётливо произнесла это встречая подругу, помогая ей раздеться и подавая уже ждавшие её тапочки. – Ещё и снег повалил, а ведь почти середина марта! Ты не замёрзла?

– Оля, что ты кичишь, я всё пьеклассно слышу, у меня тепеь новый аппаьат, – похвасталась Клавдия указывая Ольге на маленькую прямоугольную коробочку свисающую на тоненьком шнурке за ухом. Ей всегда было неловко, когда кто-нибудь старался повывисив голос подчеркнуть её давнюю глухоту, даже если этот кто-то и был самой близкой подругой.

Клавдия Ивановна сняла промокшее зимнее пальто с маленьким воротником из куницы, потом такую же кунью шапочку орехового цвета и, вручив всё это протянувшей руки Ольге, осталась в строгом тёмно-синем, немного потёртом, но ещё достаточно элегантно сидящим на её по – прежнему подтянутой фигуре, бостоновом костюме. Небольшой белый бант на воротнике блузки был заколот крупной овальной серебряной брошью с изящной камеей.

– Не волнуйся, всё ноьмально... – оглядев Ольгу, она приветливо улыбнулась а ты замечательно выгъядеешь! Ну, как вы тут устьюились, показывай, показывай, – и Клавдия прошла в комнату вслед за хозяйкой.

– Да, видишь, как всё чудесно, сколько света! Мне просто не верится! – радостно сообщила Ольга, но тут же, словно осеклась, и извиняясь добавила, – Пришлось в долги влезть: мы мебель новую купили, шкаф трёхстворчатый, чтобы всё поместилось, и Нике диван, а мы с Шурой на кровати теперь полутора спальной шикуюем! Но столько потратить пришлось... – Ольга выразительно развела руками и продолжила томно вздыхая, проходя на середину комнаты и приглашая подругу присесть на новый диван оббитый светлым гобеленом. – Это же не то, что на Якиманке: Ника на раскладушке, а мы на разбитой софе.

– Отлично, пьосто здоьово! И ковёь так подошёл, пьосто замечательно... помнишь, как мы его с тобой из ЦУМа вместе тащили? Ты ещё на меня ъугалась, что я тебя втъавила, что доього, а тепеь вот как чудесно подошёл!! – Клавдия села на диван изящно перевив ноги, демонстрируя их стройность и красоту с очень высоким, как у балерины, подъёмом, которым она всегда гордилась и который стремилась продемонстрировать при любом удобном случае, это давно вошло в привычку даже если её никто в этот момент и не видел. – А ваша соседка как, ничего? Пъиличная женщина?

– Да я её толком ещё и не рассмотрела, она всего как два дня назад въехала. Шура вещи помогал расставлять... Тёмненькая такая и полненькая, вот и всё, что я успела разглядеть, представилась как Надежда Ивановна, лет тридцать- тридцать пять от силы, молодая! – Ольга выразительно пожалала плечами.

– Ну, бог с ней, лишь бы не конфликтная была... а чай пить будем? Я печенье испекла, какое ты любишь с малиновым ваьеньем, песочное, – и Клавдия выложила на стол небольшой пакетик. Ольга кивнула и поспешила на кухню ставить чайник, подруга тут же встала и пошла

следом стараясь рассмотреть всю остальную часть нового жилища, а заодно и помыть с дороги руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.